
Шоссе

Ло Хуай застыл, во все глаза глядя на Чу Сюня. Он медленно, словно не веря собственным ушам, повторил его слова, и на мгновение между ними повисла тишина. А затем лицо юноши осветила улыбка — такая яркая и искренняя, какой Чу Сюнь ещё никогда не видел.

— Идёт, — выдохнул он. — Куда ты хочешь меня отвезти?

Чу Сюнь никогда не жалел о принятых решениях, хотя эти слова, сорвавшиеся с языка под влиянием секундного порыва, вряд ли были плодом долгих раздумий. Глядя на то, с какой робкой надеждой и сияющим предвкушением замер Ло Хуай, он на редкость серьёзно задумался.

Собеседник не торопил его. Для него это было не просто приключение, а долгожданное свидание — нормальное, человеческое свидание с тем, кто ему дорог.

Чу Сюнь лениво взъерошил мягкие волосы на макушке Ло Хуая и, опустив взгляд, негромко спросил:

— Не знаю куда. Поедешь со мной?

Вместо ответа юноша тут же вытащил телефон, чтобы заказать машину, всем своим видом показывая: он готов отправиться за этим мужчиной хоть на край света. В Ного, городе, лишённом живописных видов, для свиданий больше подходили неспешные прогулки. Но если уж и пускаться в бега, то только за рулём, выжимая из мотора всё возможное.

Асфальтированная лента шоссе прямой стрелой уходила к горизонту. Счищенный с дороги снег громоздился по обочинам невысокими холмами, которые в лучах редкого яркого солнца отливали ослепительным серебром.

Вдалеке тянулись заснеженные хребты; игра света на их склонах напоминала блики на чешуе огромной спящей рыбы, затерянной в призрачной дымке тумана. Чу Сюнь уверенно держал руль одной рукой, прибавив громкость радио до предела. На скорости в сто двадцать миль низкий гул двигателя сливался с ритмичной музыкой, закладывая уши и заставляя сердце биться чаще.

Ло Хуай прильнул к окну. Ледяной ветер нещадно взлохматил его волосы и с воем забирался под воротник, но ничто не могло омрачить его восторга. В глазах юноши светилась та самая чистая, незамутнённая радость, которой он был лишён в детстве.

Он весело свистнул и выставил руку в окно. Пролетавшая мимо каменная громовая птица на миг коснулась его запястья и тут же резко взмыла ввысь, оставив после себя лишь росчерк великолепных хвостовых перьев.

Ло Хуай звонко рассмеялся. Вдоволь налюбовавшись дорогой, он наконец откинулся на сиденье и, не говоря ни слова, посмотрел на Чу Сюня с обезоруживающей, счастливой улыбкой.

Когда-то он был заперт в роскошных садах поместья Грифон, где от него требовали безупречных манер и осторожности в каждом шаге. Потом всё рухнуло, и он оказался в Ного, вынужденный прятать себя за маской жестокости и холодности, чтобы просто выжить... Но как бы там ни было, ему исполнилось всего девятнадцать. Он ещё не видел ни настоящих гор, ни бескрайнего моря.

Чу Сюнь мельком взглянул на своего спутника.

«Этого ребёнка слишком легко задобрить, — подумал он. — Кажется, любой проходимец мог бы без труда увести за собой это наивное создание»

Однако, бросив случайный взгляд в зеркало заднего вида, мужчина заметил на собственных губах тень улыбки. Это была настоящая, искренняя улыбка, которой он сам от себя не ожидал.

Здесь, на границе, не было ничего, кроме бесконечного полотна дороги да изредка мелькающих огромных красно-жёлтых вывесок заправочных станций. В этом шутовском «побеге» они не следовали никакому плану, а просто выбрали ту дорогу, что приглянулась им больше всего, и мчались вперёд.

«А ведь так даже лучше, не правда ли?»

В конце концов они остановились у придорожного мотеля. Еда в таких местах обычно оставляла желать лучшего. Ло Хуай с любопытством наблюдал, как Чу Сюнь с невозмутимым видом откусил сэндвич с ветчиной и сыром, а затем спокойно прихлебнул кофе.

Юноша моргнул и спросил:

— Ну как? Вкусно?

— Вполне, — отозвался мужчина.

Поверив ему на слово, Ло Хуай от души куснул свой бутерброд и в следующую секунду зашелся в яростном кашле.

— Кха-кха!.. Какого черта в него плеснули столько острого соуса?!

В глазах Чу Сюня заплясали весёлые искорки. Скрыв усмешку за чашкой, он невинно заметил:

— Я вообще-то говорил про кофе.

Впрочем, десерты здесь оказались на удивление неплохими. Мужчины лениво грелись на солнце в зоне отдыха, наблюдая за рекой, что несла свои воды через всё ущелье. Когда солнце начало клониться к закату, текучая вода превратилась в застывшее багряное золото.

Чу Сюнь, подперев голову рукой, неспешно ковырял ложкой чересчур приторный торт. Сидевший рядом Ло Хуай внезапно поднялся и направился в магазинчик неподалёку.

Вернулся он с целой пачкой открыток, но писать на них ничего не стал — просто разложил перед собой, молча любуясь пейзажем.

— Зачем они тебе? — поинтересовался Чу Сюнь.

Ло Хуай улыбнулся:

— Захотелось оставить что-то на память.

— Тогда почему не подписываешь?

— Если напишу имена, их придётся отправить, верно? — Юноша, подражая мужчине, подпёр щёку рукой. — А я хочу оставить их себе. Не желаю ни с кем делиться.

— Даже со мной? — Чу Сюнь ловко вытянул одну открытку из рук Ло Хуая и помахал ею перед его лицом, недвусмысленно намекая на ответный жест.

— Тебе, конечно, можно.

Юноша вскочил и сбегал к стойке регистрации за ручкой. Он быстро вернулся и вывел на открытке своё имя. Всё-таки сказывалось воспитание «молодого господина» — его каллиграфия была безупречной. Закончив, он протянул карточку Чу Сюню, но в последний момент замялся и отвёл руку.

Хитро прищурившись, Ло Хуай выдвинул условие:

— Просто так не отдам... Только если ты тоже напишешь мне что-нибудь.

Мужчина ничего не ответил, лишь протянул ладонь, призывая отдать ручку. Ло Хуай, точно кот, добравшийся до сметаны, довольно прищурился, вложил её в руку собеседника и склонил голову, едва не касаясь его плеча, чтобы подсмотреть за процессом.

Чу Сюнь задумчиво покрутил ручку между пальцами, не спеша касаться бумаги. В своём прежнем мире он сменил множество имён, и подделать любой почерк для него не составляло труда. Даже те, кто хотел нанять его, знали лишь позывной — Ворон.

Но в тот день, когда он снова встретил Ло Хуая, Чу Сюнь назвал своё настоящее имя. Особой причины не было — возможно, он просто слишком долго был заперт в Пустоте, где никто и никогда не звал его по имени.

Наконец мужчина оставил на обороте открытки свою подпись — размашистую, уверенную и изящную. А затем, немного подумав, добавил одну короткую фразу:

«Sincerely wish you feel the new world. Искренне желаю тебе познать новый мир»

Дыхание Ло Хуая на мгновение перехватило.

За всю дорогу он ни разу не достал камеру, чтобы запечатлеть красоты. Ему казалось, что никакие линзы и кадры не смогут передать ту нежность и правду, что видит человеческий глаз. Как сейчас.

За спиной юноши высились снежные горы, догорал закат и шумела река, а черты лица Чу Сюня, озарённые угасающим светом, казались исполненными бесконечной теплоты. Они делили на двоих это пространство и этот воздух, и даже их сердца, казалось, начали биться в одном ритме.

А затем он услышал, как мужчина своим обычным размеренным тоном произнёс эти слова вслух:

— Ло Хуай, ты обязательно встретишь свой новый мир.

Чу Сюнь никогда раньше никого не благословлял. Это был первый раз, когда он от всего сердца желал кому-то счастья.

— Да, — едва слышно ответил Ло Хуай. — Обязательно.

«Потому что я уже встретил тебя. Ты и есть мой новый мир»

К вечеру зарядил холодный дождь пополам со снегом. Погода решила сыграть с ними злую шутку: администратор на ресепшене с сокрушённым видом сообщил, что, несмотря на все усилия, отопление и горячую воду в мотеле восстановить не удалось. Постояльцам советовали запастись одеялами.

Приняв новости, они разошлись по своим комнатам. Чу Сюнь включил телевизор, наткнувшись на какой-то посредственный фильм. Он уже собирался переключить канал, когда внезапно подал голос 059.

[Я бы хотел досмотреть до конца, если можно]

Чу Сюнь удивился тому, что Система тоже увлеклась просмотром, и отложил пульт. Кино оказалось типичным роуд-муви: двое случайных попутчиков, переживающих разрыв, встречаются в пути и проводят вместе безумный, полный приключений отпуск. Казалось бы, финал очевиден — они признаются в чувствах и залечат раны друг друга.

Но к концу повествование свернуло с проторенной дорожки. Когда зазвучала финальная мелодия, герои, глядя на закат, молча разошлись в разные стороны. Отпуск закончился, и каждому нужно было возвращаться к своей привычной, размеренной жизни. Любили бы они друг друга, если бы не эта дорога? Этого не узнает никто.

Когда по экрану поползли титры, Чу Сюнь спросил Систему:

— Тебе и впрямь так понравился фильм?

[Нет, — честно признался 059. — Я просто хотел напомнить: вы не можете забрать Ло Хуая с собой. Даже если вам плевать на задание, Мировое Сознание его попросту уничтожит]

[А если он и выживет — он станет таким же, как вы когда-то]

Сказав это, 059 на мгновение замолк, а затем почти по-человечески осведомился:

[Вы в порядке?]

— Не мели чепухи, — Чу Сюнь нажал на кнопку пульта, переключая канал.

Слова Системы не задели его, хотя и пробудили парочку не самых приятных воспоминаний. Помолчав, он добавил:

— Ло Хуай должен сам вернуть то, что у него отняли. Я не собираюсь этого менять.

Просто сегодня ему вдруг подумалось, что его путь одиночки, по которому он шёл столько лет, вполне мог бы вместить в себя Ло Хуая. И это не показалось бы ему обузой. На какое-то мгновение он и впрямь хотел забрать юношу с собой. Чу Сюнь никогда не стеснялся обладать тем, что ему нравится, и был уверен, что мальчик наскучит ему не скоро.

Но в тот момент, когда Ло Хуай взял открытку, Чу Сюнь отбросил эту мысль. Вместо того чтобы сделать его своим спутником в череде скучных миссий, а затем бросить, когда цель будет достигнута, мужчина хотел для него иного — силы и власти, которых никто не сможет его лишить.

Поэтому он оставил ему своё единственное благословение.

Ночь вступила в свои права. Не найдя ничего стоящего по телевизору, Чу Сюнь решил лечь спать. Он выключил основной свет, оставив лишь маленькую настольную лампу, тускло освещавшую комнату. И тут в дверь постучали.

Мужчина вскинул взгляд. Совершенно бесшумно он подошёл к двери и резко распахнул её.

На пороге, прикрывшись лишь полотенцем, стоял Ло Хуай. С его мокрых волос на ковёр стекали капли воды, и он смотрел на Чу Сюня на редкость жалко. Юноша был смертельно бледным, его пробрало до костей, а нос и кончики ушей покраснели от холода.

Он протянул ледяную руку и робко ухватил Чу Сюня за край одежды. Потупив взор, Ло Хуай негромко пробормотал:

— Я... я забыл, что нет горячей воды. А одежду, которую снял, случайно намочил. Мне очень холодно... Можно я посплю с тобой?

Чу Сюнь вскинул бровь.

«Этот парень уже дорос до статуса высокопоставленного кадра „Ночного Филина“ и ежедневно разгребает горы бумаг, а теперь использует такой нелепый предлог?»

Впрочем, в следующую секунду он лишь тихо усмехнулся. В полумраке его глаза отливали мягким, призрачным синим светом, от которого Ло Хуай даже побоялся поднять взгляд.

Мужчина невозмутимо отступил в сторону, пропуская юношу в номер. Дверь захлопнулась, а затем, забавляясь, он с отчётливым щелчком запер замок. Он успел заметить, как плечи Ло Хуая вздрогнули, а его шею и спину мгновенно залил предательский, густой румянец.

<http://bllate.org/book/15843/1433649>